

Повеление котенка казалось странным: сначала кроха тянула его прочь из квартиры 402, а оказавшись за порогом, вознамерилась увлечь обратно.

Возможно, малышка чуяла, что умершие собраты и копошащаяся тьма обратились в монстров, но за порогом вновь ощутила родной, хозяйский запах, исходивший от «тётушки»?

Ведь сущность в кресле впитала в себя сложный, противоречивый букет чувств, которые погибшие питомцы питали к людям.

Но когда щупальца потянулись к котенку, Су Бай ощутил, как малышка сжалась в комок, всеми силами сопротивляясь призыву.

К тому же... из слов духа следовало, что она просто поглотила голодных зверей, спрятав их внутри своего копошащегося тела.

Если кошечка на руках Су Бая оставалась чистым духом, то «тётушка» и скрытые в ней коты под светом Алой Луны давно мутировали, обратившись в порождение боли, ненависти и злобы – прямо как кровавые следы на стенах коридора.

И все же, принимая на себя чужую боль и заботясь о животных, эта тьма сохраняла куда больше рассудка, чем обычные призраки. А кошки, сгорающие от голода и злобы, подчинялись ей и затихали, слыша отголоски хозяйской любви.

Сущность и сотня духов слились воедино, скованные невидимыми цепями.

Чем-то это напоминало Мозаику Злых Духов, но природа уявлений была принципиально иной.

Су Бай не мог позволить чистой душе котенка сгинуть в чреве монстра, растворившись в бесконечной муке, голоде и ненависти.

Поэтому, едва щупальца подались вперед, парень отступил к вешалке с Чёрным Зонтом.

Он изначально шел сюда сражаться. Спасение котенка стало лишь приятной случайностью.

— Жильцы из четыреста третьей, четыреста четвертой, четыреста пятой и четыреста шестой были съедены твоей оравой, — озвучил свою догадку Су Бай. «Тётушка» сама призналась, что звери выходили на охоту. Вспоминая кровавые следы когтей на стенах и сбитые надписи на дверях-надгробиях, нетрудно было догадаться, кто стал их жертвой.

«... – ...тьма помедлила, а затем донесся сухой хрип:

– ...Те жильцы не были людьми. Попав к нам в чрево, они рассыпались черным дымом. От них не осталось настоящей плоти, как от того хлеба».

Под «хлебом» она подразумевала кусок тухлого мяса, в который превратилась стряпня Нин Янь. А черный дым лишь подтверждал: убитые соседи являлись не игроками, а низшими духами комплекса.

«Мои крошки ходили на охоту четырежды, но этой душонкой не насытишься, – в голосе тьмы послышалась тоска. – ...Сожри они хоть тварь из четыреста первой, голод бы всё равно не утих».

— Но расправляясь с соседями, вы с кошками находились во власти морока, — Су Бай вовсе не радовался гибели нечисти. — В тот момент вам было абсолютно всё равно, кто перед вами – дух

или живой человек.

«Я пыталась удерживать их... На всё, чего хватило моих сил, – не выпустить их за пределы четвертого этажа».

Прижимая котенка одной рукой, второй Су Бай снял с вешалки Чёрный Зонт-Трость. Сейчас с «тётушкой» еще можно было вести диалог, но если она вберет в себя новые неупокоенные души, накопит больше боли и окончательно потеряет рассудок, комплекс получит неуправляемого монстра колоссальной силы.

Мир Кошмаров под Алой Луной был широк, но локации игроков переплетались с их реальным местоположением. Пока Су Бай оставался в городе Хунхуай, где жила его мать, риски повторной встречи с этим чудовищем возрастали с каждым днем.

Чем ждать, пока бомба замедленного действия рванет, лучше обезвредить ее прямо сейчас.

«Ты хочешь уничтожить меня и моих крошек?», – хотя призраки Мира Кошмаров давно умерли (или вовсе не рождались живыми), понятие «гибели» было им знакомо. Окончательная смерть означала развеивание прахом.

— Извини. Но ты и сама понимаешь: удержать их внутри навечно не выйдет, — Су Бай перехватил трость за рукоять и направил острый наконечник точно в копошащуюся тьму, словно обнаженный клинок.

«Я знаю, – голос „тётушки“ звучит раздробленно, но удивительно спокойно. – ...Но пока... пока я еще могу их сдерживать».

— И что с того? — Су Бай не понимал, к чему эти разговоры. Никакие жалостливые речи не заставят его оставить эту угрозу в жилом комплексе «Счастье».

«И потому... – ...тьма привычно вздохнула. – ...Прошу тебя... Покончи с нами. Пока я еще держу их».

Су Бай замер от неожиданности.

«При жизни они доставляли немало хлопот. Наверное, потому их и выбросили... Сейчас они ничуть не изменились: беспрестанно орут, молят о еде, пытаются вырваться наружу, чтобы уйти подальше на охоту, – тьма обвила себя щупальцами-хвостами, будто обнимая скрытых внутри кошек. – ...Но каково им самим? Умирать было холодно и больно. А теперь они мучаются от тоски по людям, что их выбросили. Тоскуют, но не могут встретиться. Умирая, они страдали от голода, а теперь, сколько ни едят, не могут утолить эту суку-муку».

«Я люблю их и не брошу. Я люблю их и не могу смотреть на их терзания».

«Пока я держу их изо всех сил... убей нас, Сяобай. Умоляю».

Су Бай тяжело вздохнул. Повесив трость на запястье, он переложил котенка на правое плечо и протянул к тьме левую руку с алой меткой.

Сяо У советовал ввергать духов в ужас и отчаяние, дабы облегчить поглощение сильных сущностей меткой. Но стоящее перед ним создание само искало смерти.

— Смерть – это не конец, особенно в Море Кошмаров, — парень сделал шаг вперед и коснулся

ладонью копошащейся массы. На его смуглом лице проступила тихая улыбка. — Я заберу вас туда, где больше нет голода.

Тьма склонила голову. Ей было нелегко разбирать, правду говорит парень или лишь пытается утешить перед уходом.

«Спасибо... Ты, должно быть, удивляешься, к чему вся эта болтовня? – ...вдруг издал призрак смешок – жутковатый, но искренний. – ...На самом деле... и я, и они... мы правда рады, что к нам кто-то пришел. Правда...»

«И еще... позаботься о той крохе, – последняя мысль сущности была о котенке на его руках. – ...Кажется, ее зовут... Кайсинь».

Голос затих. Копошащаяся масса под левой ладонью Су Бая рассыпалась алой кровавой дымкой и развеялась по комнате.

В то же мгновение парень вернул силу Чёрного Зонта обратно в Мозаику. Свет в коридоре вновь вспыхнул ярким белым пламенем, заполнив гостиную квартиры 402.

Ни на диване, ни на ковре кошек больше не было. В кресле-качалке у окна лежал лишь пустой бумажный пакет из-под хлеба.

Но Су Бай знал: «тётушка» и ее питомцы не исчезли бесследно.

На его левом запястье, среди алых бусин браслета, еще одна бусина окрасилась в глубокий черно-красный цвет. Вернувшись в Лавку Туманов, он слепит из их сущности одну или несколько фарфоровых кошек, которые никогда больше не познают голода, и поставит их у кассового аппарата как бесценный оберег.

— Пусть они обретут здесь вечный покой, — прошептал Су Бай, касаясь свежей бусины и повторяя эпитафию с дверного надгробия.

Покидая квартиру 402 с уснувшей на руках Кайсинь, Су Бай взглянул на пушистый комочек, и в его голове мелькнула странная мысль. По словам «тётушки», прах всех погибших кошек смешался на кладбище в единое целое. Они могли принимать разные обличья, но суть у них была одна.

Почему же только эта малышка по имени Кайсинь сохранила свою индивидуальность?

Потому что попала на кладбище последней?

Или... «тётушка» заранее знала, что зверьки теряют контроль, и решила шагнуть в небытие вместе с ними, предварительно вычленив из океана боли самую чистую, самую светлую память о счастье?

Они были готовы к смерти, но хотели, чтобы их радость обрела свободу.

«Наверное, так и было», – Су Баю хотелось верить именно в такую версию.

Парень собирался ненадолго заглянуть в Лавку Туманов, чтобы оставить котенка, но, застыв в коридоре, услышал за окном фальшивые, скрипучие звуки скрипки. Наигрывали «Оду к радости».

Условный сигнал временного отряда из квартиры 204: срочный сбор.

<http://bllate.org/book/18156/1742736>